

*К 125-летию со дня рождения
и 70-летию со дня кончины
священника Павла Флоренского*

*ФИЛАРЕТ, митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси,
Председатель редколлегии «Богословских трудов»*

Священник Павел Флоренский

Вспоминаю, как в 2006 году ко мне, председателю Богословской Синодальной комиссии, впервые обратились в связи с предстоящим проведением Года священника Павла Флоренского. Тогда я ответил: «Это будет для нас большим экзаменом». В то время я не вкладывал в эти слова большего смысла, чем понимание того, какие трудности могут возникнуть при столкновении в этом контексте различных точек зрения, человеческих характеров, ученых амбиций да и целых областей знания, обыкновенно не пересекающихся друг с другом в прямом диалоге.

Ныне к осознанию всего этого присоединился еще и другой смысл: не мы, а отец Павел является нашим экзаменатором; он – наш профессор, а мы – его ученики.

Начну с личных воспоминаний. Когда я был ректором Московской Духовной Академии, мы решили отметить 25-летие со дня кончины Павла Флоренского – 15 декабря 1943 года (такова тогда была официальная дата его кончины). Естественно, возникали опасения: а можно ли? а что скажут представители власти? (ведь все понимали, что кончина отца Павла была мученической). Потом мы как-то стряхнули с себя оцепенение и сказали себе: «Это же наша история – чего же нам бояться и скрывать?»

Разумеется, в стенах Академии тогда было невозможно открыто говорить о лагерях, о расстрелах... Но в день памяти отца Павла была общеакадемическая торжественная Литургия, панихида, особое слово на проповеди. А 6 марта 1969 года состоялся торжественный акт, на котором профессор Михаил Агафангелович Старокадомский сделал доклад, посвященный творчеству священника Павла Флоренского¹. Сейчас не помню точно, но предполагаю, что разница во времени между днем поминаения и актовым днем определялась именно тем, что

¹ Точнее, вечер памяти, отчет о котором см.: «Журнал Московской Патриархии». 1969. № 4. С. 26; в этом же номере впервые после полувекового перерыва была опубликована статья отца Павла: «Дух и плоть» (с. 72–77).

богослужебный строй Академии шел своим чередом, а мероприятия общественные хотя и были закрытыми, но все равно требовали согласования.

Два положительных обстоятельства существенно повлияли на восприятие творчества и личности отца Павла представителями моего поколения. Во-первых, в 1950–1960-е годы в корпорацию МДА входили преподаватели и профессора, которые или учились у него, как, например, ректор протоиерей Константин Ружицкий (1888–1964), профессор протоиерей Иоанн Козлов (1887–1971), библиотекарь Владимир Македонович Волков (1894–1987), сотрудник Сергей Алексеевич Волков (1899–1965)², или общались с ним в 1920-е годы, как архиепископ Сергей (Голубцов; 1906–1982). К тому же Академию посещали друзья отца Павла, и в их числе – неподражаемая Мария Вениаминовна Юдина (1899–1970), пианистка мирового уровня, «полуюродивая, полумонахиня», бесстрашная проповедница Евангелия, осаждавшая меня просьбами и требованиями принять ее в Академию. Их лекции и рассказы, оценки и замечания, да и сам нравственный облик этих людей, сформировавшихся под влиянием отца Павла, – все это существенно восполняло наше ученическое прочтение его тогда малодоступных для широкой публики сочинений. Впрочем, нам, студентам и наставникам Московской Духовной Академии, они были доступны. И это было связано со вторым из упомянутых выше обстоятельств: тесную связь с Академией поддерживала вдова отца Павла – Анна Михайловна Флоренская (1883–1973). Именно она передала в академическую библиотеку собрание изданных работ отца Павла. Она была желанным и почетным гостем наших академических актов и вечеров, смиренной прихожанкой Покровского храма. Ее характерными чертами были мягкость, доброта, бодрость духа, редкая способность никого не осуждать и не роптать.

Происходя из крестьянского рода, она отличалась исключительной тактичностью, простотой и естественностью в обращении с людьми самого разного положения. И еще она обладала особой – да будет позволено употребить это слово в общепринятом, а не во «флоренском» понимании – **интеллигентностью**. Беседа с ней всегда доставляла истинную духовную радость. Я бы сказал, что Анна Михайловна имела духовную мудрость и делилась ею с нами. Она была для нас живой связью с мученическим поколением.

Отношение к Анне Михайловне вполне естественно и справедливо переносилось и на ее супруга, отца Павла, – тем более что она много рассказывала о нем и в ней самой светился его облик. Так мы полюбили отца Павла Флоренского. Любовь к нему помогала нам бережно и объективно подходить к его наследию. Мы спорили и друг с другом, и с ним самим, но совершенно не в том тоне и контексте, как это стало встречаться в некоторых статьях конца 1980-х и в 1990-е годы.

Освоить наследие Флоренского, действительно, нелегко, ибо по своим природным дарованиям, по многообразию научных интересов он был личностью, не имеющей себе равных, – не даром его называли русским Леонардо да Винчи. Нужно затратить много труда, чтобы понять его богословские взгляды, но жалеть усилий здесь не следует – к этому нас призывает долг памяти перед нашим выдающимся соотечественником, к этому призывает нас Святейший Патриарх Московский

² Автор книги: «Последние у Троицы. Воспоминания о Московской Духовной Академии (1917–1920)» (М., 1995), в которой целая глава посвящена П. А. Флоренскому.

Слева направо: митрополит Болгарский Андрей (ученик П. А. Флоренского Стоян Николаевич Петков); владыка Филарет, ректор МДА; А. М. Флоренская; отец Иоанн Козлов, профессор МДА; Михаил Агафангелович Старокадомский, профессор МДА

и всея Руси Алексей II, отмечая, что жизненный подвиг ученого и мыслителя является «поучительным примером верного служения Церкви и Отечеству, залогом возможности и необходимости добрых отношений между наукой церковной и академической, согласия между жизнью веры и разума».

Сама проблематика исследований отца Павла является чрезвычайно востребованной в наше время и распространяется на весьма разнообразные области человеческой мысли, слова и дела. В *богословии* это тема теодицеи и антроподицеи, учение о Церкви, понятие о Таинствах как об основе жизни, размышления о Евхаристии, христианская апологетика. В области *философии* речь идет о соотношении веры и разума, науки и религии, о культовых корнях начал философии, о типологии мировоззрений; здесь же учение о мире как целом, о взаимоподобии микрокосма и макрокосма, о пневмосфере, а также о символичности и антиномичности мышления. В сфере *искусствознания* предметами его исследований являются пространство и время в изобразительном искусстве, значение храмового действия как синтеза искусств, икона и иконописание. В *культурологии* внимание отца Павла распространялось на изучении возрожденческого и средневекового типов культур, на взаимосвязи религиозного культа и культуры.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что при изучении многообразного творчества священника Павла Флоренского мы должны руководствоваться такими критериями, как церковность, историчность и объективность. Стремление к всесторонней оценке наследия отца Павла, конечно, включает в себя и критику его взглядов. Важно лишь, чтобы эта критика была культурной и обоснованной. К сожалению, в последние годы стала проявлять себя и другая тенденция, о которой один из историков русской философии пишет:

«Отец Павел относится к числу самых почитаемых русских философов, хотя имели место попытки его идейно дискредитировать, а то и морально уничтожить»³. Причины этого явления еще предстоит исследовать. Тут сказалось и некритичное отношение к книге протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (книге замечательной, но тем не менее явно необъективной по отношению ко многим именам), и личные пристрастия и недоброжелательство авторов, лишенных живой нити Предания, и неофитство некоторых «адептов» Православия – последние, придя в Церковь с багажом западно-европейской философии, а то и оккультных течений, свои родимые пятна пытаются обнаружить прежде всего в других. Все это весьма прискорбно и недопустимо, ибо к богословию надо подходить с чистым умом и чистым сердцем. Отмечу, однако, что подобное отношение к отцу Павлу и его наследию никогда не разделялось ни Священноначалием, ни магистральной линией русской богословской науки.

Предваряя юбилейную публикацию материалов, связанных с именем Флоренского, хочу напомнить читателям, что именно «Богословские труды» открыли миру такие работы отца Павла, как «Иконостас» (№ 9, 1972), «Понятие Церкви в Священном Писании» (№ 12, 1974), «Философия культа» (№ 17, 1977), «Макрокосм и микрокосм» (№ 24, 1983), «Эмпирея и Эмпирия» (№ 27, 1986). К 100-летию со дня его рождения в «Богословских трудах» впервые был опубликован «Список печатных трудов священника Павла Флоренского» (№ 23, 1982) и наиболее полные на то время биографические данные. Первопроходцами здесь выступили митрополиты Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев; 1926–2003), Минский и Белорусский Антоний (Мельников; 1924–1986) и протоиерей Анатолий (впоследствии архимандрит Иннокентий) Просвирин (1940–1994).

Полагаю, мы должны быть особенно благодарны священнику и мыслителю отцу Павлу Флоренскому за то, что он проложил пути, ходить по которым нам суждено самим временем.

³ Василенко Л. И. Введение в русскую религиозную философию. М., 2006. С. 242.